

РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ

XI. № 221 ВТОРНИКЪ, 10 АВГУСТА 1904 г.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.

№ 221 ВТОРНИКЪ, 10 АВГУСТА 1904 г.

XI.

Воспоминания о Чеховѣ.

I.

Кому повѣкъ печаль мою?

московскихъ. И видно, что ему не терпится, что ему страшно хочется уѣхать въ Москву.

Я начинаю говорить про московскую войну, про весь неблагой укладъ ея московской жизни, московскія мостовыя, врывули узенькихъ переулки, знаменитыя туники, эти удивительныя Бабы Городки, Зацѣпы, Плюшкин, Самотейки, — и чѣмъ больше не пріятностей говорю я по адресу Москвы, тѣмъ веселѣе и пріятнѣе становится хмурое лицо Антона Павловича, тѣмъ чаще събится онъ своимъ короткимъ чеховскимъ смѣшкомъ. И видно, что и Самотейка, и Плюшкин, и даже скверныя московскія мостовыя, и даже осенняя грязь, и сѣрые глистые дни, — что все это ему очень мило и наполняетъ его душу самыми пріятными ощущеніями.

Запасъ свѣдѣній о Москвѣ у насъ обоихъ обширенъ, — мы оба учились въ московскомъ университетѣ, — Чеховъ вдохновляется и говоритъ:

— А помните?..

И начинаетъ вспоминать знаменитыя привокны съ лучкомъ, перцемъ, съ собачьимъ сердцемъ, которые готовились въ грязномъ переулкѣ на Мокшовой, важутся, специально для насъ, студенто-медиковъ, работавшихъ въ анатомическомъ театрѣ и химической лабораторіи, вспоминая любезныя Патриаршіе пруды и милонидыя Бронные и Колицкіе переулки, и морщины мелкими складками собираются вокругъ глазъ на возбужденнѣйшій смѣхъ и събится онъ веселымъ, громкимъ, радостнымъ смѣхомъ, какъ-то рѣдко събѣялся покойный Антонъ Павловичъ. И онъ, унылый человѣкъ, могъ говорить удивительными несообразными словами, когда разговоръ шелъ о Москвѣ. Разъ, когда я отговаривалъ его ѣхать въ Москву въ октябрь, онъ сталъ увѣрять меня, — онъ, самъ докторъ, и увѣрять совершенно серьезно, безъ ироніи въ голосъ, — что именно мо-

сковскій воздухъ въ особенности хорошъ и животеленъ для его туберкулезныхъ легкихъ, и, притягивая науку въ доказательство, говорилъ, что нани, врачамъ, не слѣдуетъ быть рутинерами и упираться въ стѣну и что октябрьская московская непогода можетъ быть даже полезна для нѣкоторыхъ больныхъ легкихъ. Чего-то и говорить о Московской губернии и объ обрестностияхъ Москвы, — нужно было выдѣть, съ какоюхъ восторгомъ и торжествомъ падъ мнѣмъ небріемъ и непониманіемъ рассказывалъ онъ мнѣ, возвращаясь какъ-то изъ лѣтней поездки въ Московскую губернію, какъ часами ловилъ онъ тамъ скорей и окупуе, какъ великобно откаривалъ окроту, какой развивалъ у него аппетитъ и какъ пріобылъ онъ тамъ въ вѣсѣ что-то около восьми фунтовъ за дѣто.

И все было мило для него въ Москвѣ — и люди, и улицы, и зовы разныхъ Николъ Мокрыхъ и Николъ на Щесахъ, и классическій московскій извозчикъ, и вся московская безтолочь. Отдыниется онъ отъ Москвы и отъ московскаго шеврота, проживетъ въ Ялтѣ два—три мѣсяца, — и снова разговоры все о Москвѣ. И всѣ три сестры, повторяющія на разные лады: «Въ Москву, въ Москву», это — все онъ же, одинъ Антонъ Павловичъ, дунавший вѣчно о Москвѣ и постоянно стремившійся въ Москву, гдѣ постоянно получалъ онъ влверты и обостренія процесса и котора, пылю основаніе думать, укувотила ему жизнь.

II.

Случалось, мы стговаривались по телефону, и я прѣбывалъ къ нему по дѣлу, — поговорить объ «Лузларѣ», санаторіи патисскаго благотворительнаго Общества, который онъ очень интересовался, объ устройствѣ какого-нибудь народнаго училища или женской фельдшерцы, которые прѣбрали лѣчиться въ Ялту безъ денегъ;

по дѣловымъ вопросамъ разговоръ никогда не кончался. Онъ ждалъ меня въ своемъ кабинетѣ съ расцѣпанными по полу газетамъ, — перечитывая онъ ихъ великое множество, — съ книжонкой, набитымъ конвертами и пасьялами, которыми онъ получалъ тоже великое множество, и тотчасъ началъ дѣловыя разговоры начево съ сообщать мнѣ литературными новостями, и говорилъ мы о новыхъ талантливыхъ писателяхъ, попплеміе которыхъ онъ встрѣчалъ съ такимъ радостнымъ чувствомъ, о литературныхъ ивннннхъ, о всемъ томъ новомъ, хорошемъ и дурномъ, что входило въ литературу и искусство. И лицо его оживалось, и нескоря юмора вспыхивали въ глазахъ, и приходило говорить и о тѣхъ конфликтахъ, которыми колна русская жизнь, и о тѣхъ острыхъ и большихъ вопросахъ, которые давно стоятъ передъ русскою жизнью въ ихъ строгой новолителности, но разговоръ о нихъ некогда продолжался. Лицо его дѣлалось усталымъ и скучнымъ, говорилъ отъ своего скучнаго и утомительнаго, правдоликъ какой-нибудь случай изъ деревенской или обывательской жизни, характеризующій местность и неукувотность этой жизни, иногда приводилъ свои заграничныя впечатлѣнія и охотно переходилъ на другія темы, и было видно, что ему скучно говорить и хочется уйти отъ надоедливой темы и что онъ не любитъ острога, требовательнаго, повелительнаго, и когда у меня выражалась рѣзкое, жесткое замѣчаніе о какомъ-нибудь его знакомомъ литераторѣ, ему было непріятно и онъ начиналъ оправдывать его и приводить снягающія вину обстоятельства.

Онъ стоитъ порою ивно въ темномъ костюмѣ, чуткою сгорбившись, съ тихонько и мягкими шагами, комнотомъ вастѣчивымъ. И въ небольшомъ кабинетѣ есть еще маленькій фонаричекъ, совсѣтъ

маленькій, гдѣ можетъ пойтѣсться только двѣ свѣчки, и когда Чеховъ говоритъ, онъ любитъ уходить въ фонаричекъ и сидѣть на маленькомъ диванчикѣ. А въ большомъ окнѣ кабинета — разноцвѣтныя стекла, чтобы ярче былъ свѣтъ, и противъ фонаря, надъ каминномъ, Ленивалъ нарисовалъ маленькую картину — русская, смутная, такая даль со смутно освѣщенными стогами сѣна... И встрѣчалъ я у него людей добрыхъ и магннхъ, нетребовательныхъ и непонелительныхъ, и не влекло его въ людмнхъ строимыхъ, которые остро ставятъ вопросы жизни и безъ колебаній отвѣчаютъ на нихъ...

Я вспоминаю получше письмо и передаю ему «ноклоны», — настояще московскіе ноклоны, — отъ знаковыхъ писателей, которыхъ любилъ его, и Антонъ Павловичъ улыбнется легкой улыбкой, отъ которой холодеетъ и сѣтлѣетъ хмурое лицо. И снова говорилъ мы о литературѣ и объ искусствѣ, снова оживалось онъ и сѣтлѣлъ сповитъ короткимъ смѣшкомъ, и румянцѣ выступалъ на блѣднѣхъ щекахъ. И забывалъ онъ тогда Москву и свою возвышенную температуру, и свое унылое лѣтнее одиночество.

Въ личныхъ отношеніяхъ Чеховъ былъ мягкій, добрый, терпимый, быть-можетъ, слишкомъ терпимый человѣкъ, но въ литературныхъ сужденіяхъ былъ строгъ, и его отзывы о художественной сторонѣ произведеній не знали терпимости. Онъ невидѣлъ все сырое, великоблнное, самоподольное, но злнющее сомнѣній, не выносилъ ничего наземнаго, риторическаго и было поразительно чуткомъ ко всякой фальши, ко всему лишнему, выдуманному, изломанному. Здѣсь у него были опредѣленные симпатіи и антипатіи и были пункты, въ которыхъ онъ былъ удивительно уперенъ. Я помню, какъ ивспокоило разъ онъ старался убѣдить

меня, что Гончаровъ — устарѣлый, безцѣльный и скучный писатель, и никакъ не могъ понять, почему я, перечитавши Гончарова въ зрѣломъ возрастѣ, продолжалъ находить его интереснымъ и талантливымъ. И въ этихъ разговорахъ чувствовалось, какъ онъ любилъ литературу и что онъ былъ повстану писатель въ лучшемъ, высшемъ русскомъ смыслѣ, — въ смыслѣ правды, простоты и искренности, которая всегда составляла главную особенность русской литературы.

Въ домѣ тихо и пусто, и чувствуется одиночество въ кабинетѣ съ газетамъ и письмами, и, должно-быть, становится совсѣтъ тихо и пусто, когда уходитъ изъ кабинета гость и остается тамъ однойиъ человекъ съ думами о литературѣ, съ мечтами о Москвѣ, которому не съ вѣкъ подѣяться своими мечтами и думами. И когда я уходилъ отъ него, у меня всегда была одна и та же мысль: почему этотъ, такъ инующій людей человекъ одинокъ и почему онъ, жадный къ жизни, съ тонкимъ проникновеніемъ прасоты, — хмурый человекъ?

III.

«Хмурый человекъ» въ сумеркахъ пишетъ «нестрые рассказы», — такъ опредѣлялъ себя своимъ заглавіемъ Чеховъ.

Онъ родился не хмурый человекъ, и всѣ, знавшіе его въ молодости, говорятъ о немъ какъ о веселомъ, жизнерадостномъ человѣкѣ. И кто не помнитъ его «Налимъ», знаменитый «Винтъ» и тѣ неомраченные грустью первые его рассказы, въ которыхъ было такъ много веселья и яраго, громкаго, адорнаго смѣха? А потомъ, — чѣмъ дальше, и смѣхъ больше, — смѣхъ затихалъ, и смѣхъ все ярче свозгла въ его рассказахъ, и все замолкалилось тѣмъ сѣрымъ, однотоннымъ, сумеречнымъ востроеніемъ скуки, тоски и печали, которое и стало навѣст-

нныи въ литературѣ подъ названіемъ чеховскаго настроенія. Стать онъ писалъ про «человѣка въ футлярѣ» и про людей «въ оврагѣ» и про дядю Ваню, — такого печально-скупнаго дядю Ваню, — про доктора, лучшаго человѣка, у котораго лучшая мечта — сохраненіе лѣсовъ, писать про знующую вьюгу и осенній сумерки, про сумеречныхъ русскихъ людей, тускло и сѣро влнннщнхъ дѣни своего существованія въ русскихъ футлярахъ и оврагахъ, про людей, которые лишъ нардѣна глухо говорятъ, что черезъ 200—300, а быть-можетъ и черезъ 1,000 лѣтъ будетъ иная, новая, естественная жизнь...

Почему это? Почему Чеховъ сталъ хмурымъ человекъ и печаль легла на тотъ тонкій, изинно вырѣзанный профилъ человека, рожденнаго «для звуковъ сладкихъ и молитвъ»? Несомнѣнно, много объясняетъ этотъ переходъ отъ радости и смѣха въ скуку и печаль личная судьба покойнаго писателя. Медленно и трудно проходилъ онъ свой литературный путь. Долго не давался ему ни литературная слава, такъ поднижающая и возбуждающая писателя, ни лнтинное сочувствіе опредѣленной общественной группы, которое можетъ замѣнить влннннн литературный успѣхъ. Одиномъ, медленно путемъ шелъ онъ черезъ *Будильники* и другія юмористическія изданія, черезъ *Петербургскую Газету* и *Новое Время* отъ того читателя, который «проблѣгаетъ» газету и «рассказы» за чайнымъ столомъ, на диванѣ, на пароходѣ, на желѣзной дорогѣ, къ толстымъ журналамъ, къ настоящему русскому читателю. И когда онъ пришелъ туда, его встрѣтили и радостно, и недоуменно: радостно — какъ талантн и недоуменно — какъ человекъ, и задли ему вопросъ: кто ты? И онъ не отвѣтилъ на него и шелъ одинъ, ивиъ лагерей, признанный тѣмъ чью скуку и кошлость онъ изображалъ, и

